

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДУШИ И ТЕЛА

В своем докладе я изложу различные философские позиции относительно связи между умом и телом, а затем предложу защиту одной из этих позиций¹.

Вначале введем некоторые философские термины. Под *сущностью* (substance — субстанция) я подразумеваю компонент мира, который каузально (то есть причинно) взаимодействует с другими компонентами мира и имеет историю во времени. Столы и стулья, звезды и галактики, нейроны и люди суть сущности. Сущности имеют *свойства*, как внутренние (например, быть квадратным или желтым, или иметь такой-то электрический потенциал), так и относительные, то есть которые соотносят одну сущность с другой (например, быть выше чего-либо или находиться между). Под *событием* я понимаю осуществление свойства в какой-то одной сущности или же в нескольких сущностях в определенное время (например, «этот галстук, являющийся сейчас зеленым», или «этот нейрон, производящий импульс в 3 часа дня», или «Новгород, находящийся между Москвой и Петербургом в прошлом столетии»). История мира — это просто последовательность всех событий, которые имеют место. Если вы знаете все произошедшие события (то есть какие свойства осуществились, в каких сущностях и когда), значит, вы знаете все, что произошло.

Свойства и события могут быть физическими или ментальными (относящимися к сфере ума). Под *физическим свойством* я буду понимать такое свойство, о котором каждый может узнать, осуществилось оно или нет, с тем же успехом, как и любой другой. Иначе говоря, физические свойства общедоступны. Физические события — это то, что заключается в осуществлении физических свойств. Этот галстук, будучи сейчас зеленым, является физическим событием, потому что не только я, но и любой другой, если захочет, равным образом может определить цвет моего галстука. Подобным образом Иван,

¹ Полное развитие моей теории отношения души к телу см. в моей работе: *Richard Swinburne. The Evolution of the Soul. Oxford University Press, 1997.*

будучи выше Николая, или этот нейрон, подающий импульс в 3 часа дня, являются физическими событиями. Ментальное свойство — это такое свойство, познать которое один человек может с большим успехом, чем любой другой. Ментальные события — это такие события, которые заключаются в осуществлении ментальных свойств. Сущности могут быть материальными и нематериальными. Под *материальной сущностью* я понимаю такую сущность, которая занимает некоторое пространство, а под *нематериальной* — такую, которая не занимает пространства. В истории мысли существовали четыре точки зрения на проблему соотношения ума и тела — проблему связи между ментальной жизнью человека, его мышления и ощущения, с одной стороны, и физическими событиями, происходящими внутри и около тела, с другой.

Согласно первой точке зрения, которую я назову *крайним материализмом*, не существует никаких сущностей, кроме материальных, и личности (включая человеческие) являются такими сущностями. Человек — то же самое, что его тело (и его мозг — то же самое, что его ум). Все события являются физическими событиями, то есть такими, которые заключаются в осуществлении физических свойств в материальных объектах. Не бывает ментальных событий в том смысле, в каком я определил этот термин, так как не происходит событий, отличных от физических, к которым кто-то имеет привилегированный доступ. Крайний материализм утверждает, что переживание мною боли или созерцание некоего образа могут казаться ментальными событиями, однако в действительности они не таковы. Крайние материалисты не могут прийти к согласию относительно того, какими физическими событиями на самом деле являются эти кажущиеся ментальные события. Одна группа считает, что это события в мозге, так что мое переживание боли — это просто некий импульс, передающийся в мозговой ткани, а верование, которого я придерживаюсь, — это не что иное, как цепочка нервных реакций, происходящих в моем мозгу. С недавнего времени эта доктрина известна как «теория идентичности мозга и ума».

Другая группа крайних материалистов считает, что говорить о ментальных событиях значит говорить об актуальном или гипотетическом внешнем поведении человека, о том, что он делает и что он сделал бы в различных обстоятельствах. Для меня испытывать зубную боль — значит хвататься за челюсть, раздражаться, записываться к зубному врачу и т. д., то есть

делать все это, когда мой зуб разрушился; а когда меня спросят, говорить, что у меня зуб болит; и если я попаду этим зубом на что-нибудь твердое, закричать. Мое переживание ментального события — это просто определенное внешнее поведение, которое обыкновенно считается его причиной. Конечно же, это то, что называется бихевиоризмом.

Мне кажется, очевидно, что крайний материализм — ложная доктрина. Действительно, существуют события, которые человек переживает и, следовательно, которые он может познать лучше, чем кто-либо другой, изучающий его поведение или исследующий его мозг. Например, мои ощущения — восприятие красного образа или аромата ростбифа — таковы, что у меня есть дополнительный способ их познания по сравнению с тем, которым располагает самый лучший исследователь моего поведения или деятельности моего мозга, — я сам их испытываю. Значит, их надо отличать от событий, происходящих в мозгу, и от любых других телесных событий. Нейрофизиолог не может наблюдать качество цвета в поле моего зрения или остроту аромата ростбифа, который я ощущаю. Прилетевший на Землю марсианин, который стал бы исследовать мозг человека и смог бы обнаружить, что же в нем происходит, все же захотел бы узнать, почувствует ли что-нибудь этот человек, если наступить ему на ногу. Иначе говоря, помимо физических событий должны быть и ментальные события.

Вторую точку зрения на проблему соотношения ума и тела я назову *средним материализмом*. Средний материализм согласен с крайним материализмом в том, что не существует сущностей кроме материальных объектов, но он утверждает, что некоторые из них (то есть люди) обладают ментальными свойствами, которые отличны от физических свойств. События, происходящие в мозгу, несомненно, являются причиной ментальных событий, и наоборот. Следствием неких импульсов, которые производят нейроны, является то, что я созерцаю красный образ. С другой стороны, моя попытка произвести движение рукой вызывает определенные события в мозгу, которые, в свою очередь, приводят в движение мою руку. Это каузальные отношения между различными событиями, так же как воспламенение пороха — событие, отличное от взрыва, причиной которого оно было.

Однако основная проблема как среднего, так и крайнего материализма состоит в том, что, судя по всему, мир не исчерпывается тем, о чем говорят эти доктрины. Крайний материализм

утверждает, что вы можете объяснить мир, если знаете, какие существуют материальные объекты и какими свойствами они обладают. Но, как мы видели, необходимо также ответить на вопрос об осуществлении ментальных свойств. Средний материализм утверждает, что вы можете объяснить мир, если знаете, какие существуют материальные объекты и какими свойствами — ментальными и физическими — они обладают. Однако подобное знание все еще оставляет вас в неведении относительно того, существует ли какой-то человек или нет. Знание о том, что происходит с телами и их частями, еще не дает достоверного знания о том, что происходит с людьми. Позвольте мне пояснить это примером с трансплантацией мозга. Как известно, мозг состоит из двух полушарий и мозгового ствола. Есть основание полагать, что человек может жить и вести себя как сознательное существо, даже если утрачена большая часть одного из полушарий. И вот предположим, что мой мозг разделили на две части и каждую половину пересадили в черепа двух людей (тел), откуда только что изъяли мозг; и что каждому добавили из другого мозга — скажем, моего близнеца — те части (например, мозговой ствол), которые необходимы для того, чтобы пересадка была удачной и чтобы существовали два сознательных, живых человека. Я прекрасно понимаю, что столь сложная операция в настоящее время практически невозможна, однако не существует непреодолимых теоретических проблем, препятствующих совершению такой операции. Поэтому мы можем задать вопрос: если бы такая операция была сделана и в результате мы имели бы двух живых людей, то кто из них был бы мной? Скорее всего, в какой-то степени поведение обоих было бы подобно моему поведению, и оба сохраняли бы воспоминания, связанные с моей памятью, ибо поведение, память и речь, во всяком случае в очень большой степени, зависят от состояний мозга и имеет место значительное совпадение «информации», содержащейся в двух полушариях. Однако невозможно, что я являюсь обоими из двух людей, которым пересадили часть моего мозга, в то же самое время. Ибо если они оба были бы тождественны мне, то они были бы тождественны друг другу (если a — то же самое, что b , а b — то же самое что c , значит, a — то же самое, что c). Однако это не так. Они теперь имеют разный опыт и ведут разные жизни. Таким образом, остаются три возможности: человек с правым полушарием моего мозга является мной; человек с левым полушарием моего мозга является мной; или ни один из них мной не является. Однако мы не можем опреде-

ленно сказать, какая возможность соответствует действительности. Из этого следует, что знания о происходящем с телами недостаточно для того, чтобы знать, что происходит с людьми.

Некоторые авторы, в частности, оксфордский профессор Дерек Парфит¹, реагируя на этот мыслительный эксперимент, говорят, что хотя два человека с половинами моего мозга, строго говоря, не будут мной, они все же будут моими преемниками, частично будут мной, моими позднейшими «я». Так, можно собрать два автомобиля из частей одного старого автомобиля и новых запчастей, и в этом случае каждый из двух новых автомобилей будет отчасти тем же самым, что и один старый; не то же ли самое произошло бы и в примере с людьми? Итак, Парфит предлагает четвертую возможность и утверждает, что именно таким был бы действительный результат поставленного эксперимента. Однако довольно трудно говорить о частичном выживании, когда мы имеем дело не с неодушевленными вещами, а с сознательными деятелями. Если бы я отчасти стал каждым из двух других людей, то, надо полагать, я бы отчасти переживал то, что переживает каждый из них; но как это возможно, когда ни один человек одновременно не испытывал бы то, что эти два человека испытывают в это время.

Мы склонны утверждать, что в данном случае мы имеем дело с произвольным выбором одной из четырех возможностей в качестве правильной (или из трех, если мы исключим четвертую как внутренне противоречивую). Но нам не следует соглашаться с таким выводом. Речь идет о весьма важном фактическом положении дел, и мы можем это показать, если несколько изменим сам эксперимент. Допустим, что меня похитил сумасшедший хирург. Он говорит, что собирается произвести операцию с моим мозгом, так что в результате появятся два живых человека, и у одного будет правое полушарие моего мозга, а у другого — левое. Затем он даст одному из этих людей десять миллионов долларов, а другого будет пытаться. Он предоставляет мне возможность выбрать, кто из них получит доллары, а кто подвергнется пыткам, то есть станет ли богатым человек с моим правым полушарием, тогда как человек с левым полушарием пострадает, или же наоборот. Какой выбор я должен сделать, чтобы стать богатым? Очевидно, что это вопрос фактов — выживу ли я после операции и если да, то в какой ситуации окажусь, — счастливой или не-

¹ См.: *Derek Parfit. Reasons and Persons. Oxford University Press, 1986.*

счастливой. (Отрицать это будет лишь тот, кто находится во власти мощной философской догмы.) И все же, ожидая операции и в точности зная, что произойдет с моим мозгом, я сильно рискую, осуществляя предложенный мне выбор. Если я говорю, что награду должен получить человек с моим левым мозговым полушарием, я не знаю, будет ли он мной; и я также не знаю, будет ли мной человек с моим правым полушарием, если я скажу, что деньги должен получить он.

И даже после операции никто в точности не будет знать, выжил ли я или кто из тех двух людей является мной. И даже если один из этих двух будет больше походить на меня характером и данными памяти, чем другой, этот человек может не быть мной. Может быть, я выжил после операции, но в то же время изменился в характере и утратил часть памяти, а поэтому другой из двух людей больше походит на прежнего меня своим поведением, чем я сам. И даже если четвертый ответ — что оба этих человека в какой-то степени являются мною — правилен (несмотря на его очевидную противоречивость), ни научные эксперименты, ни философские доводы не могут этого удостоверить, потому что любые доказательства, которые мы могли бы добыть, будут совместимы и с тремя другими ответами.

Размышление над этим мысленным экспериментом приводит к следующему выводу. Как бы много мы не знали о том, что происходит с моим мозгом (и другими частями моего тела), и как бы много мы не знали о том, какое ментальное свойство осуществилось в каком из двух последующих людей, мы в точности не знаем, что же случилось со мной. Мы не знаем, какие сущности эти люди суть. Но поскольку мы знаем, что случилось с каждым атомом моего тела, я должен отличаться от своего тела. Я должен иметь еще одну существенную нематериальную часть, продолжающееся существование которой делает мой мозг (а также тело), с которым она связана, моим мозгом (а тело — моим телом), и эту часть я именую традиционным термином «душа». Я — это моя душа плюс какой-то мозг (и тело), который с ней связан. Обычно моя душа сопутствует моему мозгу, однако в необычных обстоятельствах (например, если мой мозг разделен) неясно, где же моя душа.

Реагируя на это, можно допустить, что я — больше, чем мое тело, но в то же время утверждать, что в любом случае некоторая часть моего мозга должна выжить, если я выживу; даже если должно выжить и что-то еще. Но я не соглашусь с таким выводом. Чтобы защитить более сильную позицию, я

обращусь к строго философской аргументации, которую мы находим у Декарта. Аргументы современной нейрофизиологии, я надеюсь, заранее подготовили вас к тому, чтобы с симпатией отнестись к точке зрения Декарта. Она утверждает логическую возможность того, что я — как сознательное существо — могу продолжать существовать, даже если все мое тело будет внезапно уничтожено. Говоря о «логической возможности» продолжения моего существования без тела, я имею в виду, что в этом утверждении нет внутреннего противоречия (как, например, в утверждении, что рост какого-то человека одновременно больше шести футов и меньше пяти футов). И, конечно, нужно признать, что религиозный человек, верующий, который утверждает, что он будет жить после разрушения его тела, не противоречит самому себе. Атеист понимает это утверждение верующего, потому что оно не содержит внутреннего противоречия, хотя, конечно, он считает, что оно ложно. Далее, мы утверждаем, что если нечто (то есть какая-то сущность) продолжает существовать во времени, по крайней мере, какая-то его часть должна продолжать существовать. И это относится ко всему. Мой стол не может продолжать существовать, если все его части будут разрушены, и т. д. Поэтому — в завершение этого рассуждения — если логически возможно, что я буду жить, когда все мое тело будет разрушено, значит, уже сейчас должна существовать другая часть меня (нематериальная часть), выживание которой обеспечивает мое выживание. Эту часть я называю душой.

Таким образом, мы отвергли средний материализм на том основании, что в мире помимо материальных объектов должны существовать и другие сущности. У каждого человека есть нематериальная душа. Невозможно избежать дуализма сущностей. Но есть два типа такого дуализма. Первый, который я называю *крайним дуализмом*, утверждает, что душа необходимо бессмертна. Если отделить душу от тела, то она, с этой точки зрения, будет существовать «своими силами», она неразрушима. Я не вижу причин поддерживать подобный взгляд; мне представляется, что доводы Платона и многих позднейших философов в пользу этого взгляда просто ошибочны. Этот тип дуализма также утверждает, что для человека было бы благом не иметь тела. Но я так не думаю. Многие из наших желаний — это желания что-то сделать вместе с телом, «в теле». Мы хотим есть, пить, танцевать, обниматься, целоваться. Чтобы делать все это, нам нужно иметь тело, но не обязательно наше

нынешнее тело. Для нас было бы лучше иметь преобразенное тело, у которого было бы больше способностей. Поэтому я предлагаю другой тип дуализма, который я называю *средним дуализмом*. Согласно этому взгляду, душа не может существовать без тела, «своими силами». Душа не обладает естественным бессмертием и для полного выражения нуждается в теле.

Приведенные мной доводы показали, что душа — это сущность, отличная от тела, а поэтому в момент смерти, когда душа отделяется от тела, возможно, что она будет продолжать существовать. С помощью чисто философских аргументов нельзя показать, что будет с душой после смерти, — для этого мы должны обратиться к Библии и учению Церкви. Но эти аргументы могут показать, что существует душа, с которой что-то произойдет после смерти. Если бы был прав материализм, средний или крайний, тогда даже Бог не смог бы воскресить человека, тело которого в огне превратилось в пепел, который, в свою очередь, с течением времени трансформировался в энергию, — потому что не было бы уже ничего, что можно воскресить. Кванты энергии не отличаются друг от друга. Не было бы никакой существенной разницы между квантом энергии, в который превратилось тело одного человека, и квантом энергии, в который превратилось тело другого человека, так что воскресение одного ничем бы не отличалось от воскресения другого. Однако надеюсь, что я сумел показать в этом докладе, что существенной частью человеческого существа является его душа, а потому Бог, если изволит, может воскресить человека, даже если его прежнее тело утрачено. Чтобы человек выжил, необходимо только одно — чтобы была жива его душа. Как православные, так и католики верят, что после смерти люди пребывают в промежуточном бестелесном состоянии. Но мы также верим, что это состояние временное и не к нему мы стремимся. Доводы, которые я привел, показывают: если Бог соединит душу человека с телом, это тело станет его телом потому, что оно связано с существенной частью этого человека, — с его душой. Бог может соединить душу с телом, воссозданным из костей, лежащих в могиле, или с телом, созданным из нового материала. Все христиане верят, что произойдет такое воскресение, когда все умершие обретут тела, необходимые для полного выражения их индивидуального бытия. А то, что именно такое будущее уготовил нам Бог, показал нам Сам Христос, когда совершил телесное воскресение из мертвых, соединив Свою душу с тем телом, которое покоилось в гробнице.